ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

Воспоминания

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ЖИЗНЬ ПО ЗАВОДСКОМУ ГУДКУ

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Москва
Издательство
политической литературы
1981

63.3(2)7
Б87

Б $\frac{10202-402}{079(02)-81}$ 0902010000

ЖИЗНЬ ПО ЗАВОДСКОМУ ГУДКУ

1

Мне посчастливилось родиться, вырасти, получить трудовую закалку в рабочей семье, в большом рабочем поселке. Одно из самых ранних, самых сильных впечатлений детства — заводской гудок. Помню: заря только занимается, а отец уже в спецовке, мать провожает его у порога. Ревет басовитый гудок, который, казалось мне, слышен по всей земле.

Радио не было, часов рабочие не имели, завод сам созывал их на работу. Первый предупредительный гудок давался в полшестого утра, затем в шесть — на смену, потом в полшестого вечера — предупредительный и опять на работу — в шесть. Народу в нашем Каменском, будущем рабочем городе Днепродзержинске, было тогда двадцать пять тысяч, и весь отсчет времени, весь бытовой уклад, привычки, нравы, сам труд людей — словом, вся жизнь шла по гудку.

Я быстро одевался и босиком, не поев, бежал вслед за отцом. Если он брал меня за руку, я гордо оглядывался вокруг: вот, дескать, какой вырос большой, уже иду на завод, а мне тогда шел пятый год. Из соседних домов, из боковых улочек и переулков выходили другие рабочие, нас становилось все больше, одеты были почти все в потертые куртки и штаны из грубой «китайки». И мне, помню, очень нравилось шагать вместе со всеми.

Тысячная толпа валила вниз, к Днепру, к Базарному спуску. Тут отец оставлял меня, и вскоре его картуз

терялся среди множества картузов, кепок, войлочных шапок — я только издали видел, как втягивала смену черная дыра проходной. А лет, наверное, семи я и сам первый раз вошел в эти ворота — с судками в руках, в которых нес обед для отца.

Завод работал в две смены, каждая по двенадцать часов, а бывали дни (при ломке смен), когда рабочие и по восемнадцать часов оставались на производстве. Столовой не было, обеденного перерыва не полагалось — наскоро перекусывали тем, что брали с собой из дома. Некоторым еду в узелках приносили жены, дочери, сестры. Позже я узнал: отец и мать мои встретились не на гулянье, не в городском саду, не в гостях и не в клубе, которого, впрочем, в их пору и быть не могло, а здесь же, в железопрокатном цехе Днепровского завода.

Отец был помощником вальцовщика, а сварщиком на нагревательных печах стоял старый рабочий Денис Мазалов. Я его хорошо помню: кряжистый, немногословный, настоящий русский мастеровой. Родом он был из Енакиева, работал прежде в Никополе, на наш завод перебрался уже с большой семьей, и обед ему часто приносила взрослая дочь Наталия. Вот здесь-то, у нагревательных печей, у стана «280», молодые люди и познакомились, а год спустя поженились. Отцу было тогда двадцать восемь лет, матери — двадцать.

Что можно еще сказать о своем происхождении? Родословных рабочие семьи, как известно, не вели. Знаю, что отец, Илья Яковлевич Брежнев, поступил на завод в 1900 году. Он пришел сюда из Курской губернии, из деревни Брежнево Стрелецкого уезда. Название деревни, как и фамилия наша, происходило, надо полагать, от прибрежного ее положения, а возможно, и от понятий «беречь», «оберегать», что вполне согласуется с крестьянским бережным отношением к земле-кормилице. Землю ценили, защищали, берегли, веками поливали ее и потом и кровью. Но веками же бедность не покидала людей, иначе не пришлось бы отцу уходить на заработки из родных мест.

Между прочим, впоследствии жил с нами в одной квартире дядя Аркадий, по фамилии тоже Брежнев, но отцу он братом не приходился, а был земляком. Приехал, как все, на заработки, отец пустил его к себе, он вышел в металлурги и уже после этого, женившись на младшей сестре моей матери, стал нам роднёй, а мне

дядей. По-видимому, как это повелось в русских селеньях, однофамильцев в нашей деревне было немало.

Таким образом, по национальности я русский, по происхождению — коренной пролетарий, потомственный металлург. Вот и все, что известно о моей родословной.

Уместно в связи с этим вспомнить родословную рабочего класса России. Бурный его рост начался как раз на рубеже XIX—XX веков, что и вызвало перемещения огромных масс народа, крутые перемены в жизни миллионов людей. Судьба каждого из них в отдельности могла показаться случайной, но общая их судьба была исторически обусловлена, можно сказать, предрешена промышленной революцией, которая совершалась в стране. И совсем не случай привел моих родителей именно на Екатеринославщину (в нынешнюю Днепропетровскую область), заставил обосноваться именно на юге России.

В этом краю счастливо соседствовали уголь Донбасса и руда Криворожья, железная дорога связала их, водная магистраль Днепра позволяла отправлять готовый металл машиностроителям Бежицы, Брянска. Все это, вместе взятое, а также неограниченные возможности привлечения дешевой рабочей силы тянули сюда не только российских предпринимателей, но и иностранных капиталистов. Днепровский завод, например, объединял бельгийский, польский и французский капитал («копитал», говорили у нас в слободке, имея в виду слово «копить»). Завод рос чрезвычайно быстро: с 1887 по 1896 год население в Каменском увеличилось с 2000 душ до 18 000.

Эти цифры приведены в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». «То, что прежде складывалось веками,— писал он,— осуществляется теперь в какой-нибудь десяток лет». Много позже, будучи студентом, я читал этот классический труд и обратил внимание на то, с какой тщательностью и глубиной Владимир Ильич исследовал рост металлургии Юга. Для меня, помнится, было очень важно, что великий вождь мирового пролетариата, анализируя общественно-экономическое развитие всей страны, окидывая взором всю Россию, видел и наш край, в том числе бывшее село Каменское, изучил его прошлое, знал настоящее, предвидел будущее.

В 80-х годах прошлого века по технической оснащенности первыми шли Санкт-Петербургская губерния, Московская, Киевская, Пермская, Владимирская, но уже

в 90-х годах после столичной, оттеснив старые промышленные центры, шла Екатеринославская губерния. На Урале «число паровых сил» за десять лет возросло в два с половиной раза, а на Юге за то же время — почти вшестеро. При этом южные заводы в отличие от уральских использовали уже не древесный, а каменный уголь, чугун выплавляли уже не на холодном дутье и в выделке железа отбросили древний, так называемый кричной способ.

«Насколько Урал стар,— делал вывод В. И. Ленин,— и господствующие на Урале порядки «освящены веками», настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения».

Все это, повторяю, я прочел и осмыслил позже, в студенческие годы. Но то, о чем писал Ленин, я видел и запомнил еще с детских лет. Многоязычный говор, толпы испуганных мужиков, стекавшихся к нам из разных губерний, бараки, сколоченные на скорую руку, и строительство домен, мартенов, мощных прокатных станов — помню все это до мелких подробностей. Завод, в ту пору самый крупный на Юге, возвышался над поселком. Все у нас тяготело к нему, и я, как и другие сыновья рабочих, знал, что вслед за отцом приду в цех, к живому огню. Об иной доле в поселке не помышляли. Завод громко гудел, напоминая о себе, и я знал: это моя судьба.

По тому времени завод считался хорошо оснащенным, но, разумеется, ни рольгангов, ни подъемных столов в цехе не было. Вагоны разгружались лопатами, уголь в топки тоже кидали лопатами, понурая лошадь возила черные слитки к нагревательным печам, у которых орудовал мой дед Денис. Отсюда раскаленные добела «штуки» весом в полтонны крючьями волокли к стану, потом вручную перетаскивали с одного калибра на другой, а из последней клети, ухватив щипцами еще горячую, но уже раскатанную, тонкую ленту, бегом тянули ее на плитовой наст, где металл должен был остывать.

Снова и снова замирал на своем месте (у нас говорили: «в петле») высокого роста, плечистый, в фартуке и чунях рабочий. Я хорошо видел: он весь в напряжении, клещи в любой момент наготове. Едва лишь вырвется из

клети раскаленная, шипящая, злая змея, как он тотчас ее усмирит и широким взмахом перебросит, «задаст» в другие валки. Сказочным силачом, великаном представлялся мне в тот момент человек. А это был мой отец.

Заметив меня, отец звал дядю Аркадия, или нашего соседа Луку, или еще кого-то из рабочих, чтобы подменили его, ополаскивал руки, лицо, выходил наружу, щурился на солнце и садился на чахлую траву обедать. Ел он молча. Иногда гладил шершавой рукой мою голову, спрашивал, что дома, как мать. Кончался обед всегда одинаково, отец говорил: «Иди гуляй». И я, не понимая, какой адов труд снова ему предстоит, бежал со своими друзьями к дымящим трубам, за которыми кончался завод.

За краем построек рос краснотал, и в этих зарослях мы пробирались к Днепру. Берег в том месте был очень высок и обрывист. Мы смотрели сверху, и даль перед нами открывалась неоглядная. Внизу голубела вода, виднелся зеленый остров, поросший кустарником, дальше все было подернуто синевой: вода, луга, заречные села Николаевка и Куриловка — для нас это уже был край света.

Детство есть детство. Тут, у Днепра, все для нас было радостью: сбегали вниз по обрыву, купались, переплывали на остров. Но только не весной. В разлив вода скрывала островные деревья, дальний берег едва был виден. Сейчас, вспоминая Гоголя — «редкая птица долетит до середины Днепра...»,— я думаю, этот образ реки возник у него из памяти детства.

Память о детстве всегда приятна, но хотелось бы избежать ошибки, в которую нередко впадают авторы воспоминаний: прошедшее им рисуется в розовом свете хотя бы потому, что сами они тогда были молоды.

2

Наша семья жила в рабочей слободке, которая называлась «Нижняя колония», в Аксеновском переулке. Здесь я и родился 19 декабря 1906 года. Все в той же комнате явились на свет мои брат Яков и сестра Вера.

Забота о духовных потребностях жителей исчерпывалась тем, что в поселке Каменском были две православные церкви, католический костел, лютеранская кирха и еврейская синагога. Прочие «очаги культуры» начинались

прямо у заводской проходной: трактир Стригулина, трактир Смирнова и еще бессчетное количество трактиров, казенных винных лавок.

А к юго-западу от поселка, в «Верхней колонии», был совсем иной мир: стояли двухэтажные, просторные, благоустроенные дома администрации завода. Даже дым, извергавшийся из многочисленных труб — высоких и низких, круглых и восьмигранных,— отворачивал от них в сторону, тянулся почти всегда к рабочей слободе. Потом-то я понял, что тут учтена была роза ветров Приднепровья. По этой причине дымным было небо моего детства, слой копоти покрывал наши дома.

Рабочим на территорию «Верхней колонии» вход был строго-настрого запрещен. Там светился по вечерам электрический свет, туда подкатывали пролетки на дутых шинах, из них выходили важные дамы и господа. Это была как бы другая порода людей — сытая, холеная, высокомерная. Инженер, в форменной фуражке, в пальто с бархатным воротником, никогда бы не подал руки рабочему, а тот, подходя к инженеру или мастеру, обязан был снимать шапку. Мы, дети рабочих, лишь издали, из-за решетки городского сада, могли смотреть на фланирующую под духовой оркестр «чистую публику».

Чтобы хорошо понимать и ценить нынешнее, человек должен в истинном свете видеть минувшее.

«Такие каторжные условия, как на Каменском заводе, вряд ли где встретишь,— свидетельствует одна из большевистских листовок, распространявшихся в нашем поселке.— Где это видано, чтобы работа продолжалась целый год без всяких праздничных дней и чтобы приходилось работать по двенадцать часов подряд, а иногда и по восемнадцать, не имея перерыва на завтрак и на обед? Где это слыхано, чтобы с рабочих вычитали на ремонт зданий, на поправку машин и инструментов? Нашим кровопийцам, видно, мало тех барышей, которые они получают от нашего труда, и они, придираясь к каждому случаю, штрафуют нас... Вечно работая, вечно в грязи живем мы затем, чтобы кошелек хозяев был полон, а наши желудки пусты».

Революционная история рабочих юга России известна. Напомню, что первые социал-демократические кружки появились здесь еще в 1885 году. Был такой кружок и в Каменском, куда впоследствии регулярно доставля-

лась ленинская «Искра». В разные годы по заданию В. И. Ленина в этом краю вели активную работу такие его ученики и соратники, как И. Х. Лалаянц, В. П. Ногин, В. А. Шелгунов, М. Г. Цхакая, Р. С. Землячка, В. В. Воровский, П. Н. Лепешинский, Г. К. Орджоникидзе. Но особо хотелось бы сказать о трех большевиках из плеяды первых рабочих, ставших сознательно на путь революционной борьбы.

Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» организовал в 1897 году Иван Васильевич Бабушкин. В. И. Ленин, как известно, называл его гордостью партии, народным героем. «Без таких людей,— писал Ленин,— русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

В кружке Бабушкина приобщился к революционному движению Григорий Иванович Петровский. Имя этого рабочего-революционера, впоследствии видного деятеля нашей партии, присвоено заводу, на котором он работал токарем. В память о его заслугах и город Екатеринослав был переименован в Днепропетровск.

Никифор Ефремович Вилонов — третий из тех, о ком хотелось вспомнить; он менее других известен. Между тем это тоже был герой и мученик освободительной борьбы. Летом 1903 года, когда стачечная волна охватила весь юг России, он стал в Екатеринославе членом искровского комитета РСДРП. Принял партийную кличку Михаил Заводской, да и был человек заводской, квалифицированный слесарь, истинный рабочий по духу.

Когда в эти места пришла весть о расколе, происшедшем на II съезде РСДРП, Вилонов сразу причислил себя к большевикам. Он написал большое письмо В. И. Ленину, но ответа не получил, потому что вскоре был арестован и сослан в Сибирь. А Владимир Ильич ему ответил, и эти письма встретились десятилетия спустя в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На ленинском ответе сохранилась приписка, сделанная рукою Н. К. Крупской: «Мише Заводскому послано 22/XII».

Больше того, основатель нашей партии полностью поместил мнение «одного заводского рабочего города — ва» в своей брошюре «Письмо к товарищу о наших организа-

ционных задачах». А встретились они с Вилоновым лишь через шесть лет, в Париже, и, когда Крупская заметила, что из Екатеринослава им писал когда-то интересные письма Миша Заводской, Вилонов улыбнулся: «Так это я и есть». Тут только выяснилось.

Вилонов прошел обычный путь революционера — аресты, одиночки, тюрьмы, побеги, новые аресты, ссылки. Жандармы бросали его в сырые карцеры, отбили ему легкие, довели до ранней чахотки. И все равно он вырос в одного из видных организаторов и пропагандистов партии, а в революцию 1905 года был в Самаре председателем Совета рабочих депутатов. Ему исполнилось в ту пору всего двадцать два года.

Уже смертельно больной попал он в эмиграцию, жил на Капри, оказался в самом центре фракционной борьбы. Время было тяжелое. Наступили годы реакции, начался идейный разброд, появились «отзовисты», «богостроители», «эмпириомонисты» и проч. Рабочему-революционеру непросто было разобраться во всем этом, но он безошибочно сделал свой выбор — пошел за Лениным. Известно письмо Владимира Ильича А. М. Горькому, где, рассказав о долгой беседе с Михаилом Заводским, он выражает глубокую веру, что рабочий класс выкует свою партию — «выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой».

Да, такие люди, как Бабушкин, Петровский, Вилонов и тысячи других, были тому порукой. И я пишу об этих беззаветных борцах, чтобы стало еще яснее, почему рабочий класс России шел всегда за В. И. Лениным, за большевиками, за великой партией коммунистов. В революции 1905 года рабочие-днепровцы принимали уже самое активное участие. Вслед за Советами рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Луганске и других крупных городах создан был Совет и в поселке Каменском. Тон в нем с самого начала задавали большевики, и председателем был избран большевик И. М. Беседов, заводской электрик. Впоследствии мне приходилось с ним встречаться: после гражданской войны он был у нас председателем городского Совета, а затем директором завода.

Борьба продолжалась и после поражения первой русской революции. Несмотря на массовые аресты, несмотря на идейные шатания, меньшевики и эсеры сильных позиций здесь никогда не имели. Борьба ширилась, работали подпольные кружки, были стачки, проводились маевки. Например, 4 июля 1912 года «Правда» писала: «Вчера на Каменском заводе полиция арестовала 22 человека по обвинению в попытке устроить политический митинг». В одном из следующих номеров газеты сообщалось уже, что «на Каменском заводе арестовано 32 рабочих». Но боевой дух рабочего класса нельзя было сломить.

«Только подняв всеобщее вооруженное восстание от края и до края,— призывала листовка, ходившая на нашем заводе в 1916 году,— только разрушив окончательно дряхлую деспотию Николая II и учредив на ее развалинах демократическую республику, мы сможем предохранить себя от повторения ужасов человеческой бойни... Пусть наша борьба будет единой, всеобщей, ибо в единении — сила!»

Конечно, в те годы я этих листовок не читал, на маевки нас, мальчишек, не брали, да и вообще далеко не все было нам доступно и ясно. Но в этой атмосфере я рос, думы и чаяния рабочих были мне изначально близки, я приобщался к ним, слушая разговоры взрослых, видя их в трудные дни забастовок. Могу сказать, что с детских лет мне открылись лучшие черты рабочего человека.

Он великий труженик, ему присуще неиссякаемое терпение, он знает свое дело и привык делать его хорошо. Даже в царское время, даже в условиях эксплуатации ему претила плохая работа, ибо всегда он ценил мастерство и уважал свой труд. Почти все богатства, накопленные человечеством, созданы его мускулистыми руками, но сам он не привязан к собственности, душа его не убита корыстным расчетом, а живы в ней широта, удаль и вечная тяга к справедливости. Он находчив, смекалист, наделен живым умом и юмором. Он решителен, смел, верен дружбе, готов в любой момент прийти на помощь товарищам. Заводской гудок всех разом звал на смену, он же и сплачивал рабочих, возникало высокое чувство единения, общности интересов, той пролетарской солидарности, которая миллионы людей, разных по возрасту, опыту, обычаям, национальности, делала могущественным, монолитным, подлинно революционным классом.

К этому классу я принадлежал по рождению, в этой среде был воспитан, с нею связан, можно сказать, кровными узами. Мой отец до конца дней оставался рабочим. Рабочими были мой дед, братья матери — мои дядья, и сам я, когда пришел срок, поступил на завод, а за мной следом брат, сестра, муж сестры... Семья Брежневых многие десятилетия своей жизни отдала родному заводу, нашу фамилию вы и сегодня найдете в заводских списках.

3

Скажу подробнее о семье, потому что именно тут лежат истоки характера человека, его отношения к жизни. Мои родители испытали на себе всю тяжесть царского гнета, жили бóльшую часть жизни трудно, но дома у нас всегда царило согласие. Возможно, не обходилось и без каких-нибудь трений, но мы, дети, этого не ощущали, даже повышенных голосов нам слышать не пришлось.

Отец был человек сдержанный, строгий, нас он не баловал, но, сколько я помню, и не наказывал никогда. По-видимому, в том не было нужды: росли мы в духе уважения к родителям. Ростом отец был высок, худощав и, как большинство прокатчиков, физически очень силен. Черты лица имел тонкие, у него были хорошие, внимательные глаза. Он всегда следил за собой, дома был чисто выбрит, подтянут, любил аккуратность во всем. И эти его привычки, видимо, передались и нам. Ему в высшей степени было свойственно чувство собственного достоинства, он не лукавил, был прямодушен, тверд, и его уважали товарищи. Видеть это нам, его детям, было приятно.

— Если уж ты обещал, то держи слово,— говорил мне отец.— Сомневаешься — говори правду, боишься — не делай, а сделал — не трусь. Если уверен в правоте — стой на своем до конца.

Так он и сам поступал, слова у него не расходились с делом.

Народ в поселке Каменском собрался разный. В администрации завода состояли французы, бельгийцы, поляки. Среди рабочих тоже было немало поляков, но больше

местных — украинцев и очень много елецких, курских, орловских, калужских мужиков. Отец мой разницы между тружениками не делал, как мы сказали бы теперь, разделял людей не по национальному, а по классовому признаку. И для меня тогда, вспоминаю, сын урядника или купца-богатея, хотя они и русские, был чужим, а дети рабочих, тех же поляков, были свои.

После революции, когда завод перешел на восьмичасовой рабочий день и надо было укомплектовать третью смену, отца назначили фабрикатором. Долгие годы он проработал вальцовщиком, считался мастером своего дела, однако новые обязанности требовали не только опыта, но и солидных знаний. Фабрикатор дает заявки в мартеновский цех, определяет, из каких болванок можно получить заказанные профили, какие выбрать марки стали, как вести термическую обработку, чтобы уменьшить потери тепла, и т. д. По существу, тут требовался уже инженерный расчет, а отец дошел до всего многолетней практикой и природным умом.

В советское время мы переехали на улицу Пелина, в новый заводской дом, где получили двухкомнатную квартиру на первом этаже. Одну из комнат отец уступил семье дяди. Жили мы дружно, весело, часто принимали гостей, пели песни, вели беседы до полуночи, и мать, бывало, никого не отпустит, пока не накормит. Дом стоял у станции Тритузной, тогда это считалось окраиной города, позади был зеленый дворик, цвели акации, утро начиналось с пения птиц.

Отец вышел в ударники, стал в 30-е годы стахановцем, был окружен уважением, детей поставил на ноги, мы все уже работали, помогали семье, тут бы ему только и пожить. Но он вдруг заболел и умер, когда ему не исполнилось шестидесяти лет.

Отец до последних дней жил заводскими заботами. Он всегда проявлял живой интерес ко всему, что происходило в стране, в мире. В моей памяти сохранился один разговор, который я часто вспоминал потом и хотел бы здесь его воспроизвести. В тот день я пришел со смены и начал, как повелось, рассказывать отцу о заводских делах. Но отец думал о чем-то своем. Он перебил меня:

— Скажи, Леня, какая самая высокая гора в мире?

— Эверест.

— А какая у нее высота?

Я опешил: что это он меня экзаменует?

— Точно не помню, — говорю ему. — Что-то около девяти тысяч метров... Зачем тебе?

— А Эйфелева башня?

— По-моему, триста метров.

Отец долго молчал, что-то прикидывая про себя, потом сказал:

— Знаешь, Леня, если б поручили, мы бы сделали повыше. Дали бы прокат. Метров на шестьсот подняли бы башню.

— Зачем, отец?

— А там бы наверху — перекладину. И повесить Гитлера. Чтобы, понимаешь, издалека все видели, что будет с теми, кто затевает войну. Ну, может, не один такой на свете Гитлер, может, еще есть кто-нибудь. Так хватило бы места и для других. А? Как ты думаешь?

Весь век — рабочий, и такие мысли в голове. И когда? Еще задолго до войны, до нашей Победы, до Нюрнбергского процесса, пригвоздившего гитлеровских главарей к позорному столбу. Человек не изучал марксистской теории, но, как говорится, нутром чувствовал великую правоту нашего дела, видел опасность фашизма и очень верно выразил отношение рабочего класса, всех трудящихся к угрозе войны.

Мать моя, Наталия Денисовна, намного пережила отца. И если от него я воспринял, как говорили у нас, упорство, терпение, привычку, взявшись за дело, непременно доводить его до конца, то от нее мне достались в наследство общительность, интерес к людям, умение встречать трудности улыбкой, шуткой. Всю жизнь она работала, растила нас, кормила, обстирывала, выхаживала в дни болезней, и, помня об этом, я навсегда привык уважать тяжелый, невидный, конца не знающий и благородный женский, материнский труд.

Работая впоследствии в Запорожье, Днепропетровске, Молдавии, Казахстане, я пользовался каждым случаем, чтобы повидаться с матерью, всегда относился к ней с глубоким сыновним почтением. Скажу больше: человек, который не любит мать, давшую ему жизнь, выкормившую и воспитавшую его, — такой человек мне лично подозрителен. Не зря говорится в народе — Родина-мать: кто мать способен бросить и забыть, тот и Родине будет плохим сыном.

Я уже работал в Москве, а мать все никак не соглашалась переехать ко мне, жила в том же доме на улице Пелина, все в той же тесной квартирке — с сестрой и ее мужем, дельным инженером, выросшим до начальника цеха на нашем заводе. Позже я узнал — не от родных, они мне об этом не писали — такую историю. Местные власти сочли неудобным, что мать секретаря ЦК КПСС живет в такой квартире, и предложили более просторную, более светлую, со всеми удобствами. К тому времени, надо заметить, в Днепродзержинске широко развернулось жилищное строительство. Однако мать, как ни уговаривали ее, отказалась от переезда, продолжала жить в прежнем доме. Ходила в магазин с кошелкой, сердилась, если пытались уступить ей очередь, вела по-прежнему все домашнее хозяйство, очень любила угостить людей. До сих пор вспоминаю ее домашней выделки лапшу: никогда такой вкусной не ел. А вечерами в своей старушечьей кофте, в темном платочке она выходила на улицу, садилась на скамейке у ворот и все говорила о чем-то с соседками.

Находились, как водится, люди, которые знакомство с матерью Брежнева хотели использовать в своих целях, совали ей для передачи «по инстанциям» всякого рода жалобы и заявления. И, должен сказать, я поражался ее уму и такту, высочайшей скромности, с какой держалась она. Мне опять-таки ни разу мать ничего не говорила, а узнавал я стороной, от других. Она считала, что не вправе вмешиваться в мои дела. Знала, как я уважаю ее и люблю, но если помогу кому-то по ее просьбе, скажем, с жильем, то это ведь за счет других, кто не догадался или не смог обратиться к ней. А те, может быть, больше нуждаются в поддержке. Так примерно думала мать, а говорила просто:

— Вот мои две руки.— И поднимала жилистые, изработавшиеся, старые руки.— Чем могу, я всем тебе помогу. Но сыну наказывать, чего ему делать, я не могу. Так что извини, если можешь.

В 1966 году мать переехала ко мне в Москву. Она дождалась правнуков, жила спокойно, в ладу со своей совестью, была окружена любовью всех, кто ее знал, гордилась доверием, которое народ и партия оказали ее первенцу, и для меня великим счастьем было после всех трудов сидеть рядом с мамой, слушать ее родной голос, смотреть в ее добрые, лучистые глаза.

4

Я еще не сказал: не только отец мой знал грамоту, но и мать умела писать и любила читать, что в пору ее молодости в рабочей слободке было редкостью. Лишь повзрослев, я понял, чего стоила родителям их решимость дать нам, детям, настоящее образование. А они хотели этого и добились: девяти лет от роду я был принят в приготовительный класс каменской мужской классической гимназии. Вспоминаю, мать все не верила, что приняли, да и вся улица удивлялась.

Детей рабочих прежде в гимназию вообще не допускали, да и тут не распахнули двери, а только чуть приоткрыли. По-видимому, с одной стороны, это вызывалось потребностями растущего производства, а с другой — сказывалось влияние революционных событий в России. Тем не менее для нас был устроен особый конкурс, брали самых способных, примерно одного из пятнадцати, и всего-то сыновей рабочих приняли в тот год семерых. Все прочие гимназисты приезжали из «Верхней колонии», принадлежали к среде чиновников, богатого купечества, заводского начальства.

Нас именовали «казенными стипендиатами». Это не значит, что мы получали стипендию, а значит лишь то, что при условии отличных успехов нас освобождали от платы за обучение. Плата же была непомерно велика — 64 рубля золотом. Столько не зарабатывал даже самый квалифицированный рабочий, и, конечно, отец таких денег при всем желании платить бы не мог.

Учился я, как, впрочем, и все мои друзья, хорошо. Во-первых, нравилось узнавать новое, во-вторых, отец строго следил за моими занятиями, а в-третьих, учиться плохо было попросту невозможно — для нас это было бы равносильно исключению из гимназии.

Отношение к нам, сыновьям рабочих, было иное, чем к гимназистам из «Верхней колонии». И нас зло брало и азартное желание доказать, что неправда это, будто мы неспособны к наукам, что не глупее мы сынков из богатых семей, которым многое прощалось.

Любимым нашим учителем был историк Ковалевич. Он прекрасно вел свой предмет, рассказывал не только о царях, но и о Разине, о Пугачеве, от него я узнал впервые о восстании декабристов, услышал имена Чернышев-

ского, Герцена. Он учил нас думать, понимать закономерности развития общества и, как я понял впоследствии, далеко выходил за рамки официальной программы. Конечно, мы не догадывались, что лучший из наших учителей — большевик, подпольщик, и узнали об этом позднее, когда деникинцы расстреляли его. Сейчас в городе Днепродзержинске есть улица Ковалевича. Возможно, не все молодые знают, в чью честь названа она, и я рад, что могу об этом сказать.

Февраль семнадцатого года докатился до Каменского раскатами отдаленного грома. Самодержавие рухнуло. Однако война продолжалась, очереди за хлебом не уменьшились, на земле по-прежнему сидели помещики, заводами по-прежнему владели фабриканты. И у нас «Верхняя колония» все так же свысока, хоть уже не без страха, взирала на «Нижнюю». Хозяева остались хозяевами, рабочие — рабочими.

Совсем по-иному запомнились, я бы сказал, навеки врезались в мою память великие дни Октября.

Заводской гудок заревел вдруг в неурочный час. Время как бы раскололось, переломилось надвое, начало свой новый отсчет. Это было совсем необычно для нас, и мы вслед за отцами кинулись к заводу. Едва ли не весь город бежал туда, люди высыпали из цехов, грозно гудели людские голоса, безграничное людское море бушевало на площади. Видны были солдатские папахи раненых, вернувшихся с фронта, кое-где мелькали женские платки, но больше всего было рабочих-металлургов. И мне запомнилось ощущение всеобщего подъема, настоящего торжества.

Начался митинг, на котором выступил М. И. Арсеничев, первый руководитель каменских большевиков. Он работал у нас в котельном цехе, рано втянулся в революционную борьбу, печатал и распространял листовки, потом, когда за ним установили слежку, уехал в Петроград, прошел славный путь подполья, не избежал и сибирской ссылки, был среди тех, кто встречал В. И. Ленина на Финляндском вокзале, слышал его знаменитую речь, кончавшуюся призывом: «Да здравствует социалистическая революция!» Впоследствии Арсеничев был в годы гражданской войны расстрелян белыми, и учиться мне довелось в Металлургическом институте имени Михаила Арсеничева.

Тогда на митинге он говорил о великой победе пролетариата, рассказывал о II Всероссийском съезде Советов,

объявил о том, что образовано первое в мире рабоче-крестьянское правительство, а во главе его стоит Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Народ пришел в движение, раздались крики: «Ура!» И еще я помню, с каким замиранием сердца, задрав голову, смотрел на красное полотнище, реявшее на фоне осеннего серого неба.

Каждое поколение, хочется добавить, получает в наследство от предшествующих поколений то, что было ими завоевано, добыто, построено, сделано, и идет дальше, продолжает свой путь — уже на новой высоте, на новой ступени исторического развития. Молодым кажется порой, что все главное осталось позади. Позади революция, позади бои гражданской войны, годы социалистического переустройства гигантской страны, позади героика Великой Отечественной войны... Так думают юноши и девушки, но наступает их время, эстафета от дедов и отцов переходит к ним в руки, и тогда выясняется, что и на их долю выпадают немалые испытания и величественные дела.

Меня сегодня согревает мысль, что у поколений революционных борцов, строителей первых пятилеток, воинов Отечественной войны выросла достойная смена. Задачи немыслимых прежде масштабов мы можем поручать комсомолу, всем молодым людям Советской страны и видим, что им присуще благородное чувство личной ответственности за все происходящее на нашей земле, что во всякое начинание они вносят свой романтический порыв и, я бы сказал, молодую окрыленность. Молодежь растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина, верной идеалам Октября.

Вот об этом и думаю я, вспоминая красное знамя революции, реявшее на фоне хмурого осеннего неба. Никогда не уйдет из моей памяти приход Октября в наш рабочий поселок. Знамя поднято было высоко-высоко, на трубу доменной печи номер один.

* * *

Велика была сложность социального бытия в годы моей юности, на сломе эпох. Днепровцам пришлось тогда нелегко: власть Центральной Рады сменили немецкие войска, за ними появился Петлюра, в январе 1919 года его выбила из Каменского конница Красной Армии, но спустя полгода пришли белые, а там махновцы, григорьевцы. Всякая шушера вылезала на поверхность, ви-

тийствовали на собраниях украинские «самостийники», меньшевики, кадеты, эсеры, анархисты. Политическое воспитание мы в те годы проходили весьма наглядное, мужали, как говорится, не по дням, а по часам.

И вот что хотелось бы еще раз подчеркнуть: город наш был рабочий, население в большинстве своем было рабочим, и потому пролетарскую революцию у нас всегда считали своей, партию большевиков — своей, власть Советов — своей! То есть проблемы выбора, самого вопроса, с кем идти, чью сторону держать, у рабочих-днепровцев не было. Мой отец, например, в партии, а точнее, ни в каких партиях не состоял, но с первых лет революции активно поддерживал большевиков, и позже, когда я вступил в комсомол, а затем стал членом Коммунистической партии, отец и мать встретили это как большие и радостные события.

В первые трудные послереволюционные годы, едва только отгремели выстрелы гражданской войны, в литейном цехе нашего завода был отлит из чугуна памятник, можно сказать, уникальный. Он и сегодня стоит на одной из красивейших площадей Днепродзержинска. На высокой колонне поднялся легендарный титан Прометей, оковы его сорваны, в руке у него огненный факел, у ног — поверженный орел, веками терзавший его. Символика эта очевидна и в годы моей юности была понятна всем. Мы ведь помнили, как повержен был двуглавый царский орел, а животворящее пламя всегда было в руках металлургов. Они создали гимн из металла тому, кто похитил у богов и навек подарил людям огонь. Это памятник Прометею и одновременно — монумент рабочему классу.

Настал знаменательный день моей жизни. В свои пятнадцать лет я стал рабочим. Гимназия, преобразованная в Первую трудовую школу города Каменского, выдала мне свидетельство об окончании школы. Надо было работать, помогать семье, меня взяли на завод кочегаром, потом перевели в слесари, и я довольно быстро освоил эти профессии. Завод давно был мне знаком, цеховой шум, грохот, запах нагретого металла — все здесь мне было по нраву.

Итак, пришел заветный день, когда заводской гудок прогудел и для меня, вместе с отцом я вышел на смену и трудился, как все. Ныли до ломоты мускулы, пот слепил глаза, но был я по-настоящему счастлив. И потом была радость: вернулся домой, скинул дочерна прокопченную

фуфайку, и мать, как, бывало, отцу, сливала студеную воду на мои руки, и я отмывал лицо. Помню, поднял голову и увидел слезы в ее добрых глазах.

— Чего ты, мама?

— От радости, Леня, от радости. Вот и ты уже стал кормильцем.

Мне приходилось однажды об этом говорить, но здесь повторю: я всегда помню своих наставников и старших товарищей, с которыми работал на Днепровском заводе. Они дали мне первую профессию, учили меня сложной науке жизни, показали великую силу и духовную красоту человека труда.

Такие университеты не забываются.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

1

Чувство Родины у всех у нас развито очень сильно. Прекрасное чувство! И оно питается, конечно, не только созерцанием красоты нашей земли. Надо, как говорится, врасти в нее корнями, и когда человек до пота потрудится на ней, хлеб вырастит, заложит город, построит новую дорогу или окопы будет рыть на этой земле, защищая ее,— вот тогда он поймет до конца, что такое Родина.

Говорю об этом к тому, что в начале 20-х годов началась для меня пора узнавания родной страны. На поездах, на речных пароходах, иногда верхом на лошади, а больше пешим порядком пришлось «отмерить» многие тысячи километров. Началось все с поездки в края, откуда был родом отец. На курской земле я узнал, что такое крестьянская жизнь, приобщился к труду хлебороба.

Расскажу, чем вызван был такой крутой поворот в моей жизни. Разруха после гражданской войны совпала со страшной засухой в Поволжье. Тогда же, в 1921—1922 годах, засуха и голод обрушились также на Украину. По всей Екатеринославщине горели посевы, в день на рабочего давали полфунта хлеба, да и то не всегда. Но пока пылал огонь в печах, пока дышали трубы, пока работал завод, работали и мы. А потом настал черный день, когда пришлось остановить Днепровский металлургический завод.

В цехах воцарилась тишина, повсюду было запустение, подъездные пути с поразительной быстротой стали зарастать бурьяном, которому и сушь была не страшна. Люди

разъезжались по окрестным селам, меняли, что могли, на продукты питания. Некоторые прихватывали с завода полосовое железо — богатые селяне брали его на обручи. Наша семья такой предприимчивостью не отличалась, да и для обмена, как выяснилось, мы ничего не накопили. Отец и я перестали быть кормильцами, а стали едоками.

Жизнь в Каменском утратила всякий смысл. Открыли биржу для безработных, но работы от этого не прибавилось. Пошли болезни, начался голод, каждый день в соседних домах кто-нибудь умирал. Город обезлюдел, пришлось и нам сниматься с места. Помню, уходя, я оглянулся в последний раз — проститься с заводом, и увидел на трубах, на эстакадах, на крышах цехов черные вороньи гнезда. Впечатление осталось тяжелое: вверху кружило воронье, внизу стоял омертвевший завод.

Таким образом, возвращение к земле оказалось вынужденным. Но по молодости меня и радовало нежданное путешествие, оно было первым в моей жизни, к тому же давно хотелось побывать на родине отца, испытать себя в сельском труде. Я уже хорошо понимал, как важен этот труд для народа, жизненно необходим для страны, познавшей истинную цену хлеба. И когда пустили снова Днепровский завод, когда отец с матерью и младшими детьми вернулись домой, то, как ни тянуло меня в родной цех, я счел себя обязанным остаться и долго еще работал в сельском хозяйстве — на курской земле, в Белоруссии, на Урале.

Вот с той поры и открылись во мне две привязанности, о чем хочу теперь рассказать. Уважение к сельскому труду передалось мне с детства — от родителей, от всей обстановки Каменского и окрестностей. Поселок наш был особенный. Наполовину Каменское оставалось селом, хоть и жил в нем настоящий, заводской закалки пролетариат. В самой душе пролетариев жил дух недавних крестьян. Отец частенько рассказывал, как сам он «мыкал крестьянство». Лиха в той жизни было немало, но я видел, с какой тайной печалью и нежностью отец говорил о сельском приволье, о пахоте, сенокосе, о молотьбе, о хлебе, добытом своими руками. И, конечно, совсем не случайно отношение к хлебу было в нашей семье предельно уважительное. Веселое присловье матери, которое каждый день звучало у нас за столом, запомнилось на всю жизнь: «Ну, ребятки, поели, а теперь каждую крошку — в ладошку!» Не от скудости и не от скупости родились в на-

роде эти слова. Они воспитывали в детях бережное, я бы сказал, священное отношение к хлебу.

Без такого отношения к хлебу насущному не может, я считаю, вырасти достойный, нравственный в полном смысле этого слова человек. Сейчас в столовых, в кафе и булочных стали вывешивать красиво оформленные призывы беречь хлеб. Это, конечно, полезно. Однако грустно, что понадобились такие призывы. Бережливость должна прививаться с раннего возраста, и в первую очередь в семьях родителями.

Здесь уместно будет напомнить, что в 1918 году управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич спросил: «Владимир Ильич, можно ли одним словом выразить, за что мы сейчас боремся?» Не задумавшись ни на минуту, В. И. Ленин ответил: «Хлеб». Он писал в те годы, что борьба за хлеб есть борьба за социализм.

Мысленно возвращаясь к годам своей молодости, я вижу сейчас: работа на селе была очень нужной и важной для государства. И я тут многому научился и многое понял. Впоследствии я вернулся в Днепродзержинск, пришел на завод, стал инженером-металлургом, но само время не дало полностью отгородиться от сельских дел. Они пересеклись с опытом заводской жизни, соединились, дополнили друг друга. Всю дальнейшую жизнь мне едва ли не в равной степени довелось заниматься и тем и другим. Две привязанности слились в одну. И я благодарен судьбе за то, что она дала мне уроки жизни и на крестьянском поле и под крышей завода.

Однако я забежал вперед, а тогда, узнав жизнь деревни в один из самых тяжелых периодов, поработав и на пахоте, и на севе, и на косовице хлебов, по-настоящему привязавшись к земле, в 1923 году я поступил в курский землеустроительный техникум. Сдавал конкурсные экзамены и прошел неплохо — дали мне повышенную государственную стипендию.

Техникум был старинный, с хорошей учебной базой, давними прогрессивными традициями. (В нем, между прочим, учился и В. Д. Бонч-Бруевич.) За четырехлетний период обучения мы получали основательные знания по математике, физике, химии. На институтском уровне изучались специальные предметы — геодезия, общая геология, почвоведение, география, сельскохозяйственная статистика. Мы читали ленинские труды — не в привычных

теперь томах собрания сочинений, а в тонких брошюрах, еще пахнувших типографской краской. Мы изучали советское строительство, государственное право СССР, и на первой же практике в Щигровском уезде я убедился, что землеустроителю эти знания не только теоретически, но и практически очень нужны.

Семнадцати лет меня приняли в комсомол, и после этого я считал себя обязанным участвовать во всех общественных начинаниях. А было их, надо сказать, немало. Мы выходили на красные субботники, проводили массовые кампании «Долой неграмотность!» и «Помощь беспризорным», открывали в деревнях избы-читальни, выпускали стенгазеты, ставили спектакли, проводили сельские сходы, разъясняли батракам их права, и на все нас хватало, до всего нам было дело.

2

Пришлось тогда усвоить одну истину: время имеет не только протяженность, но и объем. Можно бесцельно транжирить, убивать свои дни и часы, а можно их сжать, уплотнить, загрузить до предела. И тогда окажется, что очень многое успеешь сделать.

Жилось нам в общежитии на Херсонской улице иногда голодно, холодно, одеты мы были кто во что горазд: носили сатиновые косоворотки, рабочие промасленные кепки, кубанки, буденовки. Галстуки в те времена мы, разумеется, отвергали. Но комсомолия 20-х годов жила ярко и интересно. Нужды страны были нашими нуждами; мы мечтали о светлом будущем для всего человечества, шумели, спорили, влюблялись, читали и сами сочиняли стихи.

Знатоками поэзии мы себя не считали, превыше всего ставили актуальность, политическую направленность стихов. И поэты были у нас свои, комсомольские.

Однажды я ехал по железной дороге, в том же вагоне сидела девушка моего возраста, тоже студентка. Разговорились. Девушка показала тетрадь со стихами, какие обычно собирают в альбом. И вот что характерно: в этой тетради оказалось стихотворение, которое прежде я никогда не встречал,— «На смерть Воровского». Мы тогда тяжело переживали убийство нашего посла, стихи взвол-

повали меня, тут же я выучил их наизусть. С первой строчки — «Это было в Лозанне...» — и до последней строфы:

А утром в отеле с названьем «Астория»
Посол наш убит был убийцы рукой.
И в книге великой российской истории
Жертвой прибавилось больше одной.

Помню, приехал в Курск Маяковский. Разумеется, мы, комсомольцы, прорвались в железнодорожный клуб, где был его вечер. Чисто одетая публика встретила поэта в штыки. «Вот вы считаете себя коллективистом,— кричали из зала,— а почему всюду пишете: я, я, я?» Ответ был немедленным: «Как, по-вашему, царь был коллективист? А он ведь всегда писал: мы, Николай Второй». Шум, хохот, аплодисменты. Или еще такой эпизод. Из последнего ряда поднялись двое молодых людей, для которых, видимо, интереснее было побыть наедине, а не слушать Маяковского. И вот, когда они медленно пробирались вдоль ряда, раздался мощный голос поэта. Вытянув руку в направлении к ним, Маяковский сказал: «Товарищи! Обратите внимание на пару, из ряда вон выходящую». И опять бурный взрыв смеха, аплодисменты.

Маяковский читал отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин». Слушали не дыша. Смерть Ильича мы пережили совсем недавно, всенародная боль оставалась для каждого из нас глубоко личной болью.

Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.

Эти слова звучали с необычайной силой. Маяковский говорил спокойно, как бы вслух размышляя, но бас его доходил до последнего ряда. И действительно, он «сиять заставил заново» самые высокие для нас понятия.

Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?

Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин.

Чеканные строки входили в душу и сердце, запоминались сами собой.

Еще Маяковский читал на вечере «Рабочим Курска, добывшим первую руду...». Меня это стихотворение заставило вспомнить завод — доменные печи, мартены. Снова потянуло домой. Но как раз тогда, в 1927 году, я окончил учебу, стал землеустроителем и приступил к работе — в одном из уездов Курской области. Следующий полевой сезон провел в Белоруссии, под Оршей, потом получил новое назначение и выехал — уже не один, с женой — на Урал, вначале в Михайловский, а затем в Бисертский район. С моей будущей женой мы познакомились на одном из комсомольских вечеров. Она выросла в такой же рабочей семье, как и моя, приехала в Курск из Белгорода тоже учиться. С той поры Виктория Петровна всегда была для меня и остается не только женой и матерью моих детей, но и настоящим дорогим и отзывчивым другом.

Там пришлось задержаться надолго. Многие версты протопал я по уральской земле, много работал и навсегда полюбил этот край, его людей и величественную природу.

То было сложное время, когда рушились старые, устоявшиеся формы бытия, а ростки нового только еще пробивались и надо было настойчиво их искать, поддерживать и выращивать. XV съезд ВКП(б), который состоялся в декабре 1927 года, утвердил программу дальнейшего строительства социализма в стране. Осуществляя ленинский кооперативный план, съезд взял курс на коллективизацию сельского хозяйства. И советский народ под руководством Коммунистической партии совершал глубочайшие социальные преобразования в деревне, направляя ее на социалистические рельсы. Именно в те четыре года — с 1927 по 1931 — как раз и пришлось мне работать в деревне, создавать колхозы, быть в гуще событий величайшей социальной революции на селе.

Раньше людей моей специальности чаще называли землемерами. Теперь название изменилось, мы стали землеустроителями в подлинном смысле этого слова. Создавая сельскохозяйственные артели, люди объединяли в них землю, скот, хозяйственные постройки, инвентарь. И нам, землеустроителям, нужно было не просто стереть межи, объединив на картах разрозненные единоличные полоски земли в одно коллективное поле. Необходимо было сделать это на новой социальной, научной, экономической и технической основе, исходя из интересов крупных социалистических хозяйств, рассчитанных на современную агротехнику и широкую механизацию всех работ в будущем.

Мы создавали новые карты — первые карты организованного, научного землепользования в колхозах. Наши карты долго служили колхозам, ими пользовались агрономы и после войны. А мне опыт землеустройства, приобретенный в период создания первых коллективных хозяйств, хорошо помог в будущем при организации сотен новых совхозов в Северном Казахстане, на целине.

В годы работы землеустроителем я впервые ощутил себя полномочным представителем Советской власти в глазах сотен людей. По тому, как ставились нивелир и мерная рейка, куда прокладывалась трасса, по тому, как проявлял себя человек в столкновениях с кулаками, крестьяне судили о политике партии: здесь, на поле, всем становилось ясно, за кого и против кого Советская власть.

Хорошо запомнился первый трактор, подаренный крестьянам бисертскими железнодорожниками. Это был маленький слабосильный «Фордзон», но восторг он вызвал не меньший, а может, и больший, чем первый спутник. Не просто машина вышла на поля, это было орудие социального переустройства деревни, это был пропагандист и агитатор колхозного строя. Местные кулаки и подкулачники пустили слух, что-де земля не родит под «железным конем», но хлеба поднялись всем на диво, и тогда ночью они подожгли амбар. Только благодаря героизму бисертских колхозников удалось отстоять зерно.

И все это было не в кино, не в книгах, а в собственной жизни. Вместе с другими комсомольцами я сталкивался с кулаками на полях, спорил с ними на сельских сходах. Нам угрожали кольями, вилами, злобными записками, камнями, брошенными в окно. Однажды прочитали

в газетах, что в соседней Тюменской области кулаки совершили гнусное преступление — одно из первых прогремевших тогда, в период массовой коллективизации, на всю страну. Ночью они подкараулили тракториста Петра Дьякова, спавшего в кабине, облили керосином и подожгли. Мы тяжело переживали страшную смерть неизвестного нам, но сразу ставшего родным соратника и товарища. И еще решительнее, смелее повели наступление на ненавистных кулаков.

А вскоре появилась песня о том трактористе. Мы полюбили ее и пели без конца, притом часто стоя — в память о герое коллективизации.

По дорожке неровной, по тракту ли —
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати!

Заканчивали в общем-то мягкую, лирическую, душевную песню мы уже грозно, обращая ее слова и к себе:

Огрызаются, лютые, лаются,
Им нерадостен наш урожай...
Кулачье до тебя добирается:
Комсомолец, родной, не плошай!

Лишь через годы, лет через тридцать, я узнал, что Петр Дьяков чудом остался жив, да еще отвоевал всю войну. Словом, подлинно человек из песни.

А тогда был 1929 год, вошедший в историю как год великого перелома на всем гигантском фронте социалистического строительства, когда наряду с развитием крупной промышленности — ведущей отрасли народной экономики — началось создание в стране крупного, механизированного сельского хозяйства.

Недавно товарищи из Свердловского обкома КПСС прислали мне некоторые документы тех лет.

Вот выписка из протокола пленума Бисертского райкома ВКП(б) от 5 декабря 1929 года:

«Тов. Брежнев: Тот план, который у нас намечен по проведению весенней посевной кампании, связан с величайшими трудностями. Того с/х инвентаря, который нам необходим, мы не имеем, следовательно, вопрос заброски с/х машин стоит в острой плоскости. В связи с переводом некоторых с/советов на многопольный севооборот у нас

уменьшится посевная площадь озимых и яровых культур. Прошедшее землеустройство лучшие земли передало бедняцкой и середняцкой части населения, в связи с этим мы должны приложить все усилия, чтобы эти земли были засеяны. Безусловно, здесь вредительство кулаков будет. Следовательно, должны быть полностью использованы все возможности, которые предоставлены бедняцкой и середняцкой части крестьянства. Особое внимание должно быть обращено на распределение кредитов бедняцким группам, которые организованы. Я считаю большим недостатком в работе по коллективизации отсутствие планов этой работы, и планово ее сельские Советы не вели. Выезжающие шефы вопросов коллективизации в деревнях не заостряли...»

В этом документе — подлинная картина времени, времени неспокойного и нелегкого. Дела в деревне требовали полной отдачи сил. Я своих сил не жалел и как доверие людей принял избрание меня депутатом Бисертского районного Совета депутатов трудящихся. Вслед за этим был назначен заведовать райземотделом, потом меня выбрали заместителем председателя райисполкома. А в начале 1931 года последовало новое назначение в Свердловск — заместителем начальника Уральского окружного земельного управления. Мы с женой перебрались в Свердловск, но через некоторое время я решил вернуться на родной завод — работать слесарем и учиться одновременно в институте.

3

Вот как это вышло. Все годы по письмам родных, по выступлениям газет я следил за тем, что происходило на нашем заводе. Рабочие-днепровцы сами потребовали его восстановления, их делегация ездила в Москву, добилась приема и помощи у Ф. Э. Дзержинского, тогдашнего Председателя ВСНХ. В 1925 году в печати появилось его выступление на XIV конференции РКП(б): «Я должен сказать, что из тех колоссов, которые в свое время были в действии на юге, один колосс давал ежегодную продукцию больше 20 миллионов пудов изделий. Этот колосс, так называемый Днепровский завод, со вчерашнего дня, 28 апреля, в 2 часа был открыт и на нем была пущена первая домна».

Разумеется, вести эти волновали, бередили душу, я не мог забыть, что наш завод наращивает мощности, растет, тем более что и на Урале повсюду к запаху полей и лугов примешивался хорошо знакомый запах индустрии. Куда ни поедешь, везде встают перед глазами фабричные трубы и дымки над ними. В самой Бисерти и неподалеку от нее находились старинные демидовские заводы — Нижнесергиевский, Михайловский, Ревдинский. О Свердловске и говорить нечего: как раз в ту пору здесь развернулось невиданное по масштабам строительство «завода заводов» — Уралмаша.

Я рассуждал так: в коллективизации уже произошел необратимый сдвиг (к середине 1931 года в колхозы объединилось более половины индивидуальных хозяйств страны), а индустрия силу только еще набирает. Там, на индустриальном фронте, лежит сегодня передний край борьбы за социализм. Без промышленности, без электроэнергии, без широкой сети машинно-тракторных станций не поднимешь и сельское хозяйство. Стране был нужен металл, две трети чугуна давали заводы Юга, крупнейшим из них считался Днепровский завод, которому присвоили имя Ф. Э. Дзержинского,— значит, мое место там.

Вот так и произошло возвращение в родные места. Конечно, трудно было опять выходить в рабочей спецовке на смену, да еще и учиться по вечерам в институте, но сила была и упорства хватало.

В 1931 году на родном заводе меня приняли в партию. Как сейчас помню, это было 24 октября. Кандидатскую карточку сменил в моем кармане партбилет № 1713187, и я знал, что он не льготы мне даст, а новые, непростые обязанности. Думаю, однако, что каждый из нас, коммунистов, если спросят его, хотел ли бы он избрать другую дорогу, твердо ответит: нет. Потому что наша дорога — это дорога беззаветного служения народу, партии.

Время для меня уплотнилось еще больше. В цехах шла реконструкция, ею руководил главный инженер нашего завода И. П. Бардин, будущий академик, ставились новые агрегаты, внедрялась механизация — словом, работы хватало. В институте тоже кипела интересная жизнь. К знаниям мы все тогда тянулись с жадностью. Я же вдобавок был избран группарторгом факультета, затем председателем профкома и, наконец, секретарем парткома всего института. Это было большое доверие товари-

щей. Конечно, доверие радовало, да и по натуре я был из тех, кто любит находиться среди людей, полностью отдавать себя делу.

В 30-е годы особенно остро стояла задача обучения, воспитания, идейной закалки кадров, прежде всего научно-технической интеллигенции. И потому очень ответственной я посчитал предложенную мне в 1933 году работу: будучи студентом третьего курса, я был назначен руководителем рабфака, а затем и директором Днепродзержинского металлургического техникума. Работал с душой. Хотелось побольше сделать для товарищей. Сохранилась книга приказов тех лет. С улыбкой просматривал я старые, в чем-то, может показаться теперь, наивные приказы, но тогда это была политика. Мы считали своим долгом биться за каждого нашего студента, уговаривали заводских ребят учиться, старались помочь им профсоюзными ссудами, а то и просто подкормить их в нашей столовой. Как-то приехал в город известный ученый-металлург, создатель теории доменного процесса академик М. А. Павлов, я уговорил его выступить перед рабфаковцами. И радовался, наблюдая, как слушали академика мои сверстники. Из этих парней выросли в будущем отличные командиры производства — не «спецы» старого типа, а энтузиасты, новаторы, люди, преданные идеалам коммунизма.

Работа в техникуме, партийные поручения и общественные дела не освобождали, однако, меня самого от учебы. Чертил курсовые проекты, сдавал экзамены, не только не ожидая для себя послаблений, наоборот. Положение обязывало быть для других примером — мог ли я требовать от других успеваемости и прилежания, если бы сам учился спустя рукава? Приведу еще один документ — выписку из протокола заседания Государственной квалификационной комиссии от 28 января 1935 года:

«Слушали: защиту дипломного проекта студента V курса теплосилового отделения Брежнева Л. И. на тему: «Проект электростатической очистки доменного газа в условиях завода имени Ф. Э. Дзержинского». Оценка работы кафедрой: теоретическая часть — отлично, проект — отлично.

Вдумчивый подход к решению задач газоочистки и расчеты в записке говорят о прекрасной инженерной подготовке автора проекта.

На все вопросы тов. Брежнев дал исчерпывающие ответы.

Постановили: дипломная работа выполнена отлично. Присвоить тов. Брежневу Л. И. звание инженера-теплосиловика».

О своей новой работе начальником смены силового цеха скажу коротко: это был год, наполненный напряженным трудом, поисками оптимальных производственных режимов, спорами, ударными вахтами, встречными планами, ночными вызовами, а подчас и авралами.

В том же году произошел и новый крутой поворот: меня призвали в Красную Армию.

Утром с повесткой я пришел в военкомат и встретил там нашего недавнего студента Аркадия Куценко. Оказалось, обоих, учитывая образование, посылают в Читу, в танковую школу, которая называлась тогда Забайкальской бронетанковой академией. Снова надо было прощаться с заводом, с друзьями, родными и ехать в края далекие.

— Хочешь быть военным? — спросил Куценко.

— Как знать,— сказал я.— Может быть, и это в нашей жизни крепко пригодится...

4

Сорок дней и сорок ночей продвигался на восток наш воинский эшелон. Ехали через Москву, и я надеялся побывать на Красной площади, увидеть Кремль, постоять у ленинского Мавзолея, но это удалось только на обратном пути.

Было грустно, как всегда бывает, когда позади остается какой-то этап жизни, и одновременно радостно, потому что впереди нас ждала другая, еще незнакомая жизнь и все новая открывалась, по словам поэта, за далью даль...

Наверное, такое уж свойство характера: все места, где приходилось работать, люблю и поныне, считаю родными. Мне нравятся и бело-зеленые острова украинских сел среди пшеничных полей, и неброская, но за сердце берущая красота белорусских пейзажей, и щедрое цветение садов Молдавии, и бескрайние степи Казахстана, особенно весной, когда сплошным ковром покроют их тюльпаны и маки... А за те сорок суток вся страна прошла перед моими глазами, и я не переставал дивиться ее просторам.

Военный лагерь, куда мы прибыли, располагался в районе станции Песчанка, недалеко от Читы. На желтой земле стояли длинные серые приземистые бараки, построенные еще японцами. Посредине был плац, вокруг громоздились дикие скалы. Запомнился сонный верблюд, тащивший бочки с водой. Вода тут была привозная, и в бане (она для солдата — первое дело) давали воду по норме — две шайки на человека.

Нас обмундировали, разбили по ротам, я попал в первую роту танкового батальона, и пошла служба.

— Подъем! Пулей вылетай!

Жара ли, мороз, дождь, ветер — мы, голые по пояс, выскакивали на зарядку, потом строем на завтрак, потом занятия по уставу, долгие часы строевой подготовки и наставления старшины Фалилеева, который был с нами особенно строг:

— Тут вам не институт. Тут головой надо думать. Смир-р-но!

Ходили мы с песнями — любимая была тогда «Нас побить, побить хотели»,— пели дружно, с присвистом, печатали шаг. Я быстро втянулся в эту жизнь.

Недавно, во время поездки в Сибирь и на Дальний Восток, пришлось побывать в Песчанке. Это уже совсем не тот поселок, хотя и сегодня в нем размещена учебная воинская часть. Есть музей воинской славы, где я увидел и мой портрет в танкистском шлеме прежних лет. С любовью собраны солдатами фотографии, материалы Великой Отечественной войны, документы малоземельцев. Потом молодые воины пригласили посмотреть дома, в которых они живут. И опять это были совсем не те бараки, где мы проходили службу. Современные помещения, светлые окна, заправленные койки, чисто вымытые полы. А тогда, по существу, жилого фонда не было, а танки стояли в траншеях, прикрытые сверху лишь брезентом.

Главным для нас была воинская служба. Много внимания, как всегда в армии, уделялось спорту — работа на турнике, игра в волейбол, зимой — лыжные походы. Помню, приходилось мне и в одиночку проделывать длинный путь на лыжах. Километров тридцать — сорок. Возил рапорты командованию на разъезд.

Нам часто говорили, что танкисты должны уметь совершать и пешие броски. Скатки на плечи, обувь подтянуть и команда: «Марш вперед!» Броски были далекие.

Поначалу и ноги натирали и портянки наматывать не умели. Все это было. А однажды весной во время такого марш-броска между сопками разлилась речушка местная. Мы уже возвращались, шагали с песней, все вроде было хорошо. И вдруг водная преграда. Слышим голос командира: «Почему остановились?» Молчим: сам, мол, видишь, по воде не пройти. К тому же ветрище холодный. Ранняя весна в тех местах теплом не баловала. Видим, командир снял гимнастерку, обернул в нее личное оружие, поднял над головой и скомандовал: «За мной!» Вода студеная, миновали речку — зуб на зуб не попадает. Тут новая команда: «Вперед бегом!» Ничего, выдюжили.

Так закалялась воля, так вырабатывался характер, характер советского солдата. Потом подошло самое интересное: занятия по тактике, изучение матчасти, вождение танков. Осваивали мы тогда средние танки «Т-26», «БТ-5», по нынешним временам, конечно, слабые. Но тогда они представлялись нам грозным оружием. Стреляли мы с места, с ходу по движущимся целям и были очень горды, когда сам комбат Копцов оценивал наши стрельбы на отлично.

С большим удовольствием до сих пор вспоминаю этого требовательного командира и душевного человека. Не могу сказать, что мы с ним стали друзьями (он был командир, я — курсант), но комбат относился ко мне хорошо, я тоже испытывал к нему уважение. По вечерам мы нередко говорили об армейской службе, о возможной войне. Впоследствии Василий Алексеевич Копцов участвовал в боях на Халхин-Голе, получил звание Героя Советского Союза, к Отечественной войне пришел генералом и на фронте героически погиб. Это был первый кадровый офицер, которого я узнал: о таких говорят обычно — военная косточка. По складу характера человек немногословный, волевой, всегда подтянутый, бодрый. Он был для меня и наставником и примером настоящего командира, посвятившего свою жизнь воспитанию советских солдат, которые в любой момент могли стать на защиту нашей великой Родины.

Помню такой эпизод. Недалеко от места, где располагалась наша часть, протекала река Читинка. Мы любили ходить на берег: прозрачная, чистая вода, во многих местах просматривалось дно. Как-то Копцов и говорит:

— Все вы здесь собрались инженеры. Вот попробуйте решить такую задачу. Вы на своих танках проходите по равнине, берете препятствие, ставите машину под углом на сопках, а никто из вас не задумался над тем, как бы пройти на танке по дну реки?

И что вы думаете: мы этим делом занялись. Начали прикидывать, что можно сделать. В конце концов задачу эту все же решили.

Что это? Воспитание своего рода удали? Нет, мы понимали приказ комбата так, что он нас готовит к любым сложностям, в которых может оказаться экипаж танка уже не на учебе, а в водовороте военных действий. И там придется решать задачи посложнее, чем на полигоне, на плацу. Вот к чему нас готовил Копцов. И многие были благодарны ему за это. Танкисты, вышедшие из нашего батальона, показали себя закаленными командирами в годы Отечественной войны. Как тут не вспомнить суворовские слова «тяжело в ученье — легко в бою». Правда, в бою никогда легко не бывает.

В Песчанке я одним из первых был назначен командиром взвода. Для меня это назначение было почетно, я рассматривал его как доверие командования.

Затем стал я политруком танковой роты. Дни были заполнены до предела. И воинская служба, и выпуск боевых листков, и политчас, воспитательная работа, да и поговорить с солдатом надо. Люди остаются людьми, у всех свои заботы, свои беды, свои радости. Но как бы занят я ни был, всегда улучал момент послать весточку домой. Однажды даже отправил своим карточку. Стоял на крыльце, подошел Копцов, кто-то щелкнул фотоаппаратом. И получилась фотография. Решил послать ее домой. Рассуждал так: отцу и матери всегда приятно не только получить письмо, но и поглядеть на своего сына.

5

Прошли годы. И теперь я особенно хорошо вижу, сколь полезны были для меня все эти переезды, назначения, новые встречи и новые дела, в которые приходилось вникать.

Разумеется, защищая диплом инженера, я не думал, что в будущем мне предстоит заниматься восстановлением

«Запорожстали», руководить оборонной промышленностью области и даже всей страны. Работая землеустроителем, не предполагал, что вместе с товарищами придется мне переустраивать землю на миллионах целинных гектаров, а получая военную выучку, не представлял в полной мере, как пригодится она в тяжелейшей войне. Не знал и того, что все это, вместе взятое, при постоянном общении с массой людей превратится в сплав опыта, навыков, знаний, который именуется двумя простыми словами: партийная работа. И только с годами я стал понимать, что меня, как и тысячи других людей, действительно готовили, притом вполне сознательно, к будущим большим делам. Подготовку эту вела Коммунистическая партия.

Вскоре после возвращения из армии меня избрали заместителем председателя исполкома Днепродзержинского горсовета. Председателем был тогда Афанасий Ильич Трофимов, старый член партии, моряк-балтиец, участник Октябрьской революции, рабочий нашей Дзержинки. Образование он имел небольшое, очень обрадовался моей инженерной подготовке и сразу предложил ведать в исполкоме вопросами строительства и городского хозяйства.

Пришлось глубоко вникать в работу Совета — беспокойную, многоплановую, целиком обращенную к нуждам народа. Работа была не новой — я приобщился к ней еще в Бисертском районе, и все-таки многое надо было постигать заново. Этот опыт помог мне в 1960 году, когда я был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР, помогает и сегодня, когда наряду с обязанностями Генерального секретаря ЦК КПСС партия и народ вновь доверили мне этот высокий, почетный, но чрезвычайно ответственный пост, требующий неустанного труда.

Помня собственную практику, я с самого начала добивался разработки и принятия законов, расширяющих права депутатов, ставил вопрос об усилении роли местных Советов, о повышении их авторитета, о совершенствовании деятельности всего государственного аппарата.

Свою работу в Каменском, на моих глазах превратившемся в современный город Днепродзержинск, вспоминаю всегда с благодарностью. Время было интереснейшее. Именно тогда мы рукоплескали четверке папанинцев, покорившей Северный полюс, с замиранием сердца следили за чкаловскими перелетами, радовались вестям с Магнитки, Кузнецкого комбината и других новостроек. Днепров-

ский завод в те годы тоже продолжал развиваться: при мне задули восьмую доменную печь, ввели аглофабрику, третий мартеновский цех. На весь Союз прогремел стахановский рекорд нашего сталевара Якова Чайковского. Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе призвал сталеплавильщиков страны перенять его опыт.

Вместе с заводом, а точнее, с заводами, которые появились у нас, рос город, в его черту вошли села Тритузное, Романково. Возникали проблемы — не хватало школ, поликлиник, детских садов, трудно было с жильем, в обновлении нуждались водопровод, канализация, транспорт. Вот этим всем я и занимался в исполкоме. Надо было научиться спорить с директорами, которые стремились строить «хутора» при своих предприятиях, преодолевать ведомственные настроения, собирать силы и средства в один кулак, и я хорошо помню первые наши успехи, пусть скромные, но так необходимые людям.

В Наркомтяжпроме мне удалось получить ассигнования, и мы проложили трамвайную линию от Баглея до площади Ленина — настоящее торжество было, когда красные вагоны побежали через весь город. Помню, как возвели (за шестьдесят два дня) красивое здание, в котором и сегодня помещается Дворец пионеров, как комсомольцы строили стадион, как появились у нас «высокие» дома в четыре этажа, с балконами, широкими окнами. И хотя масштабы строительства были далеко не сегодняшние, однако сотни семей справили новоселье. Мостились в городе улицы, закладывались скверы, больше стало товаров в магазинах, народ приоделся, жизнь становилась лучше — этим и памятно мне время работы в Днепродзержинске.

В городском Совете Днепродзержинска я был более года, потом меня выдвинули на партийную работу. Вначале заведовал отделом, а в феврале 1939 года был избран секретарем по пропаганде Днепропетровского областного комитета КП(б)У. О сложной и многообразной работе обкома — штаба партийной организации всей области — я подробно рассказал в книге «Возрождение». Первым секретарем был у нас тогда Семен Борисович Задионченко, человек опытный, умный, сильный, у которого многому можно было научиться. Отношения у нас сложились деловые, товарищеские. Я нес ответственность за один из важнейших участков партийной работы — за

работу в области идеологии. Круг моих обязанностей резко возрос, масштабы дел расширились, мне приходилось теперь часто ездить по городам и селам, встречаться с сотнями людей.

Считаю очень важным обстоятельством то, что я прошел эту школу. Существует, как известно, три основных направления партийного руководства — политическое, идеологическое, организационное. Разговора о том, какое из них важнее, быть не может — все они необходимы партии, все в равной степени важны. Умение сочетать все стороны партийной деятельности — это искусство, и надо этому искусству учиться всю жизнь.

Идеологическая работа всегда была и остается одной из первостепенных задач Коммунистической партии. Эта работа многообразна: она требует научного анализа процессов, которые происходят в обществе, и постоянного решения возникающих в связи с этим проблем.

Опасно даже на время, даже на отдельных участках забывать об идейном начале в государственной и общественной жизни, мириться с идейными ошибками. На первый взгляд они бывают не так заметны, как, скажем, ошибки технические. Если неверно спроектирован какой-то агрегат, то он не даст ожидаемой мощности или вовсе не будет работать — это сразу видно, понесенный убыток просто подсчитать. А ошибка в идеологии, как правило, скрыта, закамуфлирована одеждами из красивых слов, но тем более чревата последствиями, ибо она скажется непременно и принесет гигантский вред, если ее вовремя не исправить. Вакуума в современном мире нет: там, где благодушествуем мы, там действуют наши идеологические противники. «Поэтому,— учил В. И. Ленин,— *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной».

Это с особой остротой ощущал я в те годы, о которых веду рассказ: на западе уже началась вторая мировая война, она приближалась к нашим границам, идейно-политическое противоборство двух систем подходило к своей крайней форме — открытому военному столкновению. В этой обстановке повысились требования к идейно-политическому воспитанию кадров, к укреплению связи партии с массами. Необходимо было вести активную, наступательную пропагандистскую работу, давать своевременный отпор враждебной идеологии, укреплять в советских

людях высокую политическую сознательность, воспитывать их в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, в духе преданности идеалам коммунизма.

Ко всему этому должен быть вкус у каждого руководителя, у каждого коммуниста, не говоря уж о самой, казалось бы, простой, но требующей постоянных усилий задаче — доводить до народа цели, какие мы ставим перед собой, объяснять, чего конкретно добивается на данном этапе Центральный Комитет нашей партии. Другими словами, надо выступать в различных аудиториях, встречаться с людьми. Тогда, в Днепропетровской области, я впервые столкнулся с этой необходимостью, в связи с чем хочу высказать некоторые соображения, которые начали складываться у меня еще в те годы.

Партийное страстное слово было и остается острым оружием партии, и относиться к этому надо очень серьезно.

Советские люди одобряют политику партии, поддерживают ее. И тем не менее мы всегда уделяли и уделяем большое внимание идеологической работе. Главное оружие в этой работе — правда. И об успехах и о недочетах, мы считаем, необходимо говорить честно. Открытый разговор люди всегда поймут. В. И. Ленин подчеркивал, что сила социализма в сознательности масс.

Нет ничего бесплоднее, чем пропаганда без адреса, оторванная от интересов аудитории, от потребностей дня. Если оратор уходит от ответов на острые вопросы, то он внушает людям недоверие. Если лектор мямлит на трибуне, повторяет общеизвестное, то пользы от этого ни на грош, более того, такой оратор может отучить людей вообще слушать лекции. Формализм в этом деле противопоказан, обязательно нужен творческий подход. Хочу подчеркнуть: не в ловких ораторских приемах, на которые горазды буржуазные политики, не в рассчитанном пафосе и не в силе голосовых связок секрет успеха. В. И. Ленин, как известно, не обладал громким голосом, а ведь его слышали все. Вся страна, все человечество. Слышали потому, что **слушали**. А слушали потому, что в речах его были идеи и мысли, близкие массам, в защиту этих идей он находил неотразимые доводы, был логичен; делал глубоко научные, смелые выводы, задачи ставил всегда конкретные и значительные.

Предвоенные годы в Днепропетровске вспоминаются как время напряженнейшей работы. Внешне все было спокойно: в кино шли комедии «Волга-Волга» и «Светлый путь», в обычном трудовом ритме протекала жизнь в городах и деревнях, зрел на полях урожай. Но все мы чувствовали: угроза войны нарастает. В 1940 году Днепропетровский обком получил ответственное задание ЦК ВКП(б) — перевести часть предприятий области на выпуск военной техники. Из Москвы пришла шифровка, предлагавшая нам учредить должность секретаря обкома по оборонной промышленности. Заседание бюро проводил Задионченко. Он сказал, что, учитывая особую важность этой работы и значение, которое ей придает Политбюро Центрального Комитета, надо на этот пост выдвинуть не только технически подготовленного, знающего металлургию специалиста, но и дельного организатора, умеющего работать с людьми. Вот так примерно он говорил и предложил мою кандидатуру. Проголосовали единогласно.

Учитывали ли мы реальную опасность войны, готовились ли к этому? Безусловно, учитывали, готовились. В том, что угроза войны нарастает, что фашизм — главный наш враг, сомнений не было.

Страна остро нуждалась в металле. В июне 1940 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката». Развернулось всесоюзное соревнование металлургов за лучшее использование мощности агрегатов, и мои земляки добились в этом соревновании заметных успехов. Предприятия, изготовлявшие сугубо мирную продукцию, стали теперь работать на армию: завод имени Артема выпускал детали к боевым самолетам, завод имени Коминтерна — минометы, Днепровский металлургический имени Дзержинского — артиллерийские снаряды...

Ко мне на стол в обкоме поступали сводки, которые не могли не радовать. И хотя я нес ответственность уже за сотни предприятий, вести с родного завода, не скрою, принимал особенно близко к сердцу. В 1941 году Днепровскому заводу имени Ф. Э. Дзержинского было присвоено звание «Лучший металлургический завод Советского Союза» и передано переходящее Красное знамя Наркомчермета и ЦК профсоюза металлургов.

* * *

Чувство Родины у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины, которая в дни опасностей и больших испытаний вся от края и до края становится вдруг до боли близка и дорога.

Мне повезло увидеть воочию просторы родной страны, узнать близко многих сограждан, и я знал, что планы, мечты, замыслы народа под стать земле, на которой нам посчастливилось жить, которую получили мы от отцов и должны оставить детям еще более богатой и цветущей.

Мы доказали это великими свершениями первых пятилеток.

Но вот настало мучительное, горькое и вместе с тем исполненное высокой веры и невиданного героизма время в жизни нашего народа. Началась Великая Отечественная война. Пришла пора отстаивать великие завоевания социализма, защищать все, что сумели мы сделать и построить, встать грудью за дорогую нам землю. И я вместе с миллионами советских солдат и офицеров прошел многотрудный путь войны от начала до конца, от первого ее дня до светлого дня Победы.

Но об этом периоде — речь особая.

СОДЕРЖАНИЕ

Брежнев Леонид Ильич.

Б87 Воспоминания: Жизнь по заводскому гудку. Чувство Родины.— М.: Политиздат, 1981.— 46 с.

Б $\frac{10202-402}{079(02)-81}$ 0902010000

63.3(2)7 + 66.61(2)27
9(С)2 + 3КП1

Леонид Ильич
БРЕЖНЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ЖИЗНЬ
ПО ЗАВОДСКОМУ
ГУДКУ

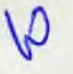
ЧУВСТВО
РОДИНЫ

ИБ № 3783

Сдано в набор 20.11.81.
Подписано в печать 03.12.81.
Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 2,52. Условн. кр.-отт. 2,94.
Учетно-изд. л. 2,08. Тираж 2 000 000 (500 001—750 000) экз.
Заказ 1332. Цена 10 коп.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

10 коп.

**Издательство
политической
литературы**